

БЫВАЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

По темной степи тянуло дымком. Кашевар стреб кучкой золу - под ней тлели угольки сухого навоза. Тишина была такая, что слышно за версту, как потыр-кивает сверчок; а еще далее, в лощинке, в стороне, где недавно догорела вечерняя заря, - хрипел дергач. Летел бы, дура, к Дону, в плавни, - здесь много не наковыряешь носом. В степи земля теплая, сухая, было бы что подложить под голову, - и так лежат мужики у костра, а кто - под телегой с поднятыми к звездам оглоблями. Звезды просторно раскинулись над степью. Один человек сидит, другие слушают.

- Да, товарищ, пришлось...

- Хлебнул?

- А что же ты думаешь, - конечно, хлебнул горя...

- Расскажи по порядку, дяденька.

- А по порядку рассказать - будет так: в каком это году, забыл я, - в шестнадцатом... Ну, ладно... Вошли мы, русские войска, в Париж. А были мы, солдаты, Езятые для этой экспедиции, как на подбор: рослые, молодые, ужасно все бойкие. Идем по Парижу, колонна за колонной, сорок тысяч человек - это ты шутишь! И поем во всю глотку. По дороге на кораблях спелись: с жизнью прощаться ведь неохота на чужой стороне... Да и бабы на тротуарах - видимо-невидимо - глядят на нас... Хороши... Ах, чистые, хорошие дамочки у них...

- Ну?

- Это кто там сказал "ну", под телегой?

- Будет вам, - слушайте, ребята.

- Да. Идем мы через город Париж и поем песни. Запеваем по очереди, поротно, - в каждой роте запевала и подголосок, мы подхватываем - стекла звенят... Начальство нарочно подбирало голосистых в эту экспедицию, чтобы удивить иностранцев: какой у нас народ веселый, вся армия сытая, мордастая, в бой - так в бой, ей хоть бы что; с песней грудью за отечество. Так и в газетах французы писали: "Русский, мол, солдат умирает с песней на устах..."

- Как это?.. (Опять из-под телеги.) Вот ведь, ребята, а?..

Рассказчик покосился под телегу, но разобрать ничего было нельзя - так темно. Месяц еще не всходил над степью.

- Как же им нас не хвалить: нас пригнали помирать за их отечество... Ну, конечно, языка они нашего не понимали, русского, - от этого много зависело... Когда проходили под Триумфальной аркой, дамочки стали бросать в нас цветы - розы. Мы, будто эти розы нам обыкновенное дело, груди выпячиваем, будто такие уродились орлы, да и грянули свою, солдатскую: "Дрррришем дегтем, дрррришем дегтем, табаком..." Так что же вы думаете: у дамочек на глазах - слезы, и руки к нам протягивают... А наши господа офицеры только косоротятся, но ничего не поделаешь: парад...

- Здорово это вы - про табак... Показали...

- Мы бы не то еще показали, не прогони нас прямо на фронт в тот же день... У них народ малорослый. Умом одним берут, образованием. А культура у них высока.

- Высока?

- Немцы еще умственней, а англичане всех покрывают... Я этого не люблю, когда под телегой смеются на то, что я говорю. Недолго и за виски оттуда вытащить. Я этого не люблю, когда над культурой смеются. Вы что же думаете - у нас степь велика, так нас нипочем и не возьмешь? Нет, мы пробовали шапками закидывать. Не те времена. Кинули нас на фронт, через две недели - бой. Офицеры - в новых лаковых сапогах, начисто выбриты, чистые, и нам - по чарке коньяку и папирос. В зубы, конечно, никто не бьет, но командиры говорят серьезно: "Ребята, не посраим русского оружия, отступить невозможно, потому что, между прочим, на задних позициях - французы с пулеметами..."

- Это французы, свои же, по своим?

- А ты как думал?.. Нас для случки, что ли, туда привезли?.. Ну, хорошо. Мы в то время о культуре еще пичего не знали. Приказ: наступление. Значит - музыканты вперед, и мы - урррра, и вся недолга, грудью в штыки... А нас - и бомбометами, и огнеметами, и пулеметами, и газом, и вонью, и с аэропланов сверху, и с танков в лоб... А сзади - французы: вали! вали! Вот